

Культурология как гуманитарная наука

Предметом одной из наиболее жарких дискуссий в современной культурологии является роль и место гуманитарного знания в науках о культуре и то, как это знание, традиционно признаваемое внеучным, может сочетаться с позитивистской социально-научной парадигмой.

Критерии гуманитарности и научности

На сегодняшний день нет четкого общепризнанного представления о том, что собой представляет гуманитарное знание, каковы его социальные цели и значение, чем оно отличается от социально-научного анализа, с одной стороны, и художественного описания, с другой. Пока еще не оформился комплекс системно выстроенных аргументов, доказывающих имманентную субъективность всякой гуманитаристики.

С позиций одних исследователей, основным критерием гуманитарности является ее аксиологичность, заведомо субъективный оценочный подход к любому изучаемому явлению¹. Эта характеристика представляется существенной, но, как минимум, не универсальной, поскольку подобный подход далеко не всегда применим даже по отношению к самым типичным объектам гуманитаристики. Например, о каком оценочном подходе может идти речь применительно к языкознанию, традиционно являющемуся оплотом гуманитарного знания. И, напротив, многие категории позитивистской науки по сути своей откровенно аксиологичны.

Другая позиция апеллирует к тому, что основной познавательной задачей, решаемой гуманитарным знанием, является описание и атрибуция объектов преимущественно уникального свойства (например, художественных или интеллектуальных шедевров),² что априори лишает гуманитарные описания должной социальной репрезентативности. С этим аргументом связана и позиция Э. Орловой: поскольку в процессе гуманитарного анализа ничего не измеряется и не подвергается статистическому анализу, постольку исследования, лишённые измерительной процедуры, априори не являются научными³.

В целом в кругах социологов и антропологов преобладает снисходительное отношение к гуманитарным методам изучения культуры, как абсолютно субъективным, описательным, не открывающим сколько-нибудь значимых социальных закономерностей и т. п. Однако есть основания полагать, что дело не в априорной неэффективности гуманитарного знания, а в том, что оно, хотя и много древнее социального, демонстрирует сегодня сравнительно низкий уровень развития методологий и категорий. В современной гуманитаристике отсутствуют претензии на выявление собственных возможностей объективного отражения ми-

¹ Орлова Э.А. Культурология как научная и учебная дисциплина // Наука о культуре: итоги и перспективы: Науч.-информ. сб. / Рос. гос. б-ка. НИЦ Информкультура. – М., 1997. – Вып. 2.

² Арнольдов А.И., Батунский М.А., Межуев В.М. Культура // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.

³ Орлова Э.А. Указ.соч.

ра. Это, быть может, связано с тем, что она всегда занималась лишь *продуктами* интеллектуального и художественного творчества человека, а не *самим человеком* и его интересами.

Вместе с тем, в последние два века наблюдается стремление рассматривать как гуманитарное знание весь комплекс наук о человеке (антропоцентризм), и для этого есть весьма серьезные основания. Человек, осваивая мир, так или иначе систематизирует и упорядочивает свои знания и представления о нем. Но он не может ограничиться только объективно-прагматическим представлением о мире. Человеку требуется еще и *эмоциональное* подтверждение того, что необходимая упорядоченность миропредставления достигнута, что она оправдывает значимость существования данного индивида в среде ему подобных. Объяснение этой потребности — задача психологов. Для культурологов же парадокс заключается в том, что совершенно иррациональные художественные или религиозные образы, эмоциональные «картины мира» и т. п. порой более эффективно способствуют подавлению психологической тревожности по поводу неопределенности и непредсказуемости бытия, чем объективизированные позитивистские объяснения.

При этом одним из наиболее систематизированных механизмов подобной психологической компенсации является именно гуманитарное знание. Можно назвать гуманитаристику (исходя из ее социально-психологических функций) «секулярной религией» Нового времени, выполняющей ту же функцию, которую в свое время (и, разумеется, в специфических формах) выполняли мифология и религия. Речь идет об эмоциональном восприятии бытия человеком — о создании комфортного мироощущения, осознании собственной *социальной значимости и востребованности*. Показательно, что даже хронологически гуманитарное знание как целостный тип мироощущения сформировалось именно на волне секуляризации эпохи Просвещения и развивалось как своеобразный компенсатор «отступающих» на периферию социального бытия религии и мифологии. Так или иначе, но вне работы механизмов гуманитарного мировосприятия и мироотражения трудно представить себе устойчивое психологическое существование человека в системе общества и культуры, как в прошлом, так и в настоящем.

Уникальность каждого культурного объекта (предмета, суждения или действия) можно объяснить и с позиций теории культурной интерпретации. В соответствии с ней любые, даже наиболее каноничные, образцы культурных форм на практике никогда не воспроизводятся абсолютно тождественными базовым образцам (разумеется, если речь не идет о чисто техническом их тиражировании). Всякий частный артефакт в силу индивидуальности человеческих вкусов и интересов неизбежно является уникальной интерпретацией и вариацией на тему исходной формы и никогда не повторяет ее буквально⁴. Поэтому абстрагирование от этой имманентной уникальности культурных объектов и их создателей, столь характерное для социальной антропологии, ставит под вопрос объективность их научного изучения.

Одна из наиболее актуальных проблем в науке конца XX века может быть сформулирована следующим образом: является ли наше аргументированное, объективизированное, позитивное знание именно *знанием* или, как считают постмодернисты и приверженцы аналитической философии, преимущественно слепой *верой* в утверждения тех или иных научных

⁴ Флиер А.Я. Культурогенез. — М., 1995.

корифеев, авторитет которых сложился исторически⁵? Разве Парсонс более доказателен, чем Ключевский только потому, что систематизирует материал по другим принципам? Но тот или иной метод систематизации и анализа еще не является универсальной гарантией большей объективности и истинности обобщающих выводов ученого. Одновременно, трудно не признать, что религиозные, художественные и историко-описательные тексты часто оказываются гораздо более *социально значимыми*, чем научные, поскольку затрагивают животрепещущие аспекты и проблемы жизни людей. И если до сих пор человечеству удавалось выживать как биологическому виду, то причина этого в том, что люди соблюдали некие «правила социального общежития», манифестируемые разнообразными «культурными текстами», а не в научном прогрессе как таковом⁶.

Однако главное состоит в другом. Культура имеет ряд имманентных признаков, признаваемых большинством исследователей: она — искусственное порождение интеллекта и труда; она не наследуется генетически, а передается методом обучения; ей свойственно *аксиологичное* мироощущение. Система взглядов, которая не упорядочивает окружающий мир в целом, не может быть названа наукой, но та же система взглядов, не иерархизирующая этот мир по ценностному признаку, не может быть названа культурой. Уйти от аксиологичности и нарративности в науке можно лишь на самых высших уровнях абстракции, например, в математике. И уж тем более не может быть назван культурологом ученый, который, исследуя и упорядочивая знание о поведении и сознании человека, абстрагируется при этом от аксиологических координат этого упорядочивания. Хотя другое дело, что удовлетворительной общей теории социокультурных ценностей до сих пор не создано. Одновременно нельзя забывать и о том, что всякая шкала ценностей исторична и порождена условиями жизни того или иного сообщества.

Точно так же не стоит сопоставлять по нравственным критериям рациональное знание с иррациональным. В нравственных коллизиях объективный рационализм часто ведет к тем же последствиям, что и религиозный фанатизм. А посему призыв: избегайте того, кто убежден, что знает Истину (не важно какую: научную или религиозную); во-первых, наличие самой Истины по меньшей мере недоказуемо, а во-вторых, Знающий (или верующий в то, что он знает) рано или поздно отправит Незнающего на костер. Весь опыт мировой истории свидетельствует о неотвратимости подобной развязки.

ВРЕЗКА К сожалению, приходится констатировать, что гуманитарное знание до сих пор развивается «по старинке» в сугубо *экстенсивном* режиме, в системе давно исчерпавших свой познавательный потенциал категорий и понятий, хотя имеет все возможности для *интенсивной идейной и методологической экспансии* в борьбе за интеллектуальные приоритеты в общечеловеческом масштабе. Недаром ЮНЕСКО объявило XXI век столетием «гуманитарной экспансии» (как в науке, так и в образовании). **КОНЕЦ ВРЕЗКИ**

Процесс становления современной культурологии в России

Чтобы лучше понять смысл противоречия между антропологами и гуманитариями, необходимо кратко рассмотреть историю утверждения культурологии в России. Хотя термин

⁵ Рорти Р. Философия и зеркало природы. — Новосибирск, 1997.

⁶ Флиер А.Я. Культурология для культурологов. — М., 2000.

«культурология» ввели в научный оборот американские ученые, он привился только у нас в стране. Принято считать, что российская культурология представляет собой отечественный эквивалент европейской социальной и американской культурной антропологии или же науку более широкую по предметно-проблемному охвату, но включающую упомянутые антропологии в качестве направлений. Однако на самом деле российская культурология не имеет очевидных аналогов за рубежом. Что же касается ее связи с западной антропологией, то здесь скорее поверхностная имитация, привычка подражать всему западному, по крайней мере, формально, при совершенно ином содержательном наполнении имитируемой формы.

Можно проследить два основных источника отечественной культурологии. В начале 1960-х гг. в СССР была издана серия книг, посвященных критике буржуазной философии, этнографии, социологии, психологии и т. п. Впервые в роли критиков мировой науки выступило новое поколение ученых, хорошо владевших иностранными языками и, по крайней мере, читавших тех авторов, которых они критиковали. Эту плеяду ученых можно сравнительно легко разделить на две группы: первые просто выполняли идеологический заказ; вторые, под прикрытием формальной критики буржуазных концепций принципиально соглашаясь с критикуемыми авторами, фактически занялись, если не развитием, то, по крайней мере, комментированием их идей для отечественных читателей.

В то же время в условиях советской идеологической зашоренности творческая и научная интеллигенция искала относительно легитимные способы отражения своего мироощущения в культурно значимых текстах. В результате появилось так называемое «культуроведение», которое характеризовалось повышенным интересом к объектам старины и исторической традиции. Представители этого направления заложили другую ветвь российской культурологии, которая основана на традициях отечественной исторической, лингвистической и искусствоведческой науки. Здесь имеют место филологические реконструкции нравов и быта минувших времен в духе Забелина и Костомарова, а также изучение фольклора и языческой обрядности в рамках отечественной школы мифологии и т. п. Огромное влияние на формирование этой ветви культурологии оказало отечественное востоковедение. Разумеется, и здесь не обошлось без обращения к достижениям зарубежных коллег: французских семиотиков и историков школы «Анналов», которые оказались во многом близки российским традициям изучения культуры.

Таким образом, в период 1960–80-х гг. формировались две сравнительно автономные культурологии: *социально-антропологической*, опиравшаяся на опыт преимущественно англо-американской антропологии, и *гуманитарная*, имевшая, в основном, отечественные корни и лишь частично связанная с французскими школами так называемой «новой культурной истории». Разумеется, одновременно развивались и другие ветви осмысления культуры, такие, как, например, *цивилизационная* (по происхождению русско-немецко-британская, но тяготеющая к национально-почвенническим идеям; ее типичным выражением сегодня является идейная догматика В.Жириновского); *социальная глобалистика* или *футурология*, (ее мировым центром признан знаменитый Римский клуб), современные *теории образования*, которые, опираясь на опыт психологии и психоаналитики XX века, разрабатывают новые методы социализации и инкультурации личности, а также ряд других.

Здесь вполне осознанно не затрагивается *философия культуры*, поскольку эта интеллектуальная сфера — часть именно философского знания, дающего общие мировоззренческие и гносеологические основания для развития как культурологии, так и всех иных наук.

На протяжении 1990-х гг. представители описанных направлений напряженно работали, стремясь создать единую супернауку — «культурологию», интегрирующую и обобщающую всё наиболее значимое знание о человеке, обществе и культуре. Этот процесс шел с огромными трудностями из-за сопротивления представителей смежных наук, у которых культурология «отбирала» существенные сегменты их предметно-проблемных полей. Больше всего при этом пострадала философия: у нее культурология «отъела» почти половину ее традиционной предметной сферы. Впрочем, эта половина уже давно не имела никакого отношения к собственно философии, поскольку трансформировалась в эмпирическое знание об обществе и культуре, по определению не свойственное философским подходам. Понесли потери история и социология. Огромные трудности возникли при размежевании зон компетенции культурологии, этнографии и религиоведения. По сей день, культурологи считают этнографию и религиоведение своими «внутренними специализациями», этнографы же, напротив, рассматривают культурологию как «этнографию современной городской культуры» (в отличие от «классической» этнографии, работающей в основном на традиционном сельском материале). Такого рода «нестыковки» вполне естественны. Не следует забывать, что западная социальная и культурная антропология — это на 90 % именно этнография, только с более широким проблемным полем и многообразием методологических школ и направлений.

В процессе становления современной культурологии выявилась еще одна проблема, которая представляется более серьезной. Можно утверждать, что попытка объединения, предпринятая в 1990-х гг., провалилась. В этом виноваты и социальные антропологи, вообще не признающие гуманитариев в качестве ученых и своих коллег, и гуманитарии, полагающие, что социальная антропология является наукой об обществе и к наукам о культуре не относится. Сегодня имеет место раскол, причем «поле боя» осталось в основном за гуманитариями. Социально-антропологическое направление практически объединено с социологией, культурно-антропологическое — с этнографией, а философская антропология — с философией. Все это привело к фактической ликвидации антропологической науки как единой познавательной парадигмы, а культурология осталась совершенно самостоятельной наукой, но уже несколько иной по содержанию, нежели это виделось два-три года назад.

Новая «гуманитаризированная» культурология

Судя по последним официальным документам, под культурологией (и как наукой, и как направлением образования) понимается, прежде всего, *этно-историческая социология и психология*, т. е. наука об образе жизни и мировоззрении различных народов в разные эпохи, об их ментальности и эмоционально-образном мироощущении, нравах и обычаях, образцах церемониального поведения, образной символике искусства, кодирующих языках культурных текстов и т. п., иначе говоря, нечто близкое к проблематике французской исторической школы «Анналов», синтезированной с наиболее современными направлениями этнологии.

В то же время нельзя утверждать, что в новой «гуманитаризированной» культурологии антропологическое направление полностью забыто. Оно сохраняет свои позиции в качестве одной из самых авторитетных объяснительных методологий, позволяющих придать культу-

рологических исследованиям должную социальную репрезентативность, т. е. показать, что рассматриваемые культурные явления имеют (или имели) действительно массовое распространение, были типичными, нормативными. Тем более что современная культурология, помимо собственно исторических исследований, обращается к изучению современных явлений массовой культуры, философского и художественного направлений постмодерна и т.п.

Все это практически не поддается системному изучению вне методологий и методов антропологии. Но при этом приходится признать, что антропологические методики ныне уже не рассматриваются как собственно культурологические, а заимствуются культурологией от «соседей», из сферы социальных наук. Может быть, такой тип взаимодействия — диффузия методологий родственных, но совершенно самостоятельных наук — окажется более конструктивным, чем попытки «поженить карася и поросю». Во всяком случае, опыт 1990-х гг. определенно показал, что добровольный союз антропологии и гуманитаристики сегодня нереален.

ВРЕЗКА Несостоявшееся объединение социальной и гуманитарной культурологии свидетельствует, прежде всего, о примитивном уровне современных представлений о механизмах взаимодействия между обществом (которое изучают социальные науки) и человеческой индивидуальностью (предметом интереса гуманитарного знания). **КОНЕЦ ВРЕЗКИ** Если об обществе и технологиях его функционирования за последние два века сложились относительно приемлемые систематические знания, то наши представления о мотивации индивидуального поведения, сознания, мировосприятия, творчества пока еще объясняются универсальной ссылкой на ментальные особенности того или иного народа.

Кстати, одной из немногих понятийных новаций гуманитарного знания, завоевавших общее признание, стала именно категория *ментальность*. Ее обычно определяют как специфический для того или иного народа душевный склад, совокупность особенностей исторической психологии, оценочных предпочтений, нравов, стереотипов сознания и поведения и т. п. Ментальность — это максимально стереотипизированный исторический опыт коллективного бытия, опыт социального взаимодействия и межличностных отношений, защитных реакций на конфликты с социальным и природным окружением, опыт индивидуального и коллективного переживания мира, в котором приходится жить и действовать.

Но ведь исторические традиции народа — это такой же социальный опыт, отражающий то же, что и ментальность, только в других формах и на более высоком уровне рефлексии. Пожалуй, основное отличие в том, что традиции представляют собой определенные стратегии обучения и исполнения социального опыта в режиме осознанного отношения к нему, а ментальность — тот же самый опыт, но усваиваемый методом неосознанного и реализуемый на практике, как правило, в автоматическом режиме.

Таким образом, можно представить себе традиции и ментальность как надводную и подводную части единого «айсберга» процесса трансляции и усвоения социального опыта. Более того, этот «айсберг» оказывается трехслойным, ибо над традициями надстраивается еще и комплекс *культурных институтов* (просветительских, образовательных, художественных, научных, религиозных и др.), выполняющих ту же самую функцию трансляции исторического социального опыта и одновременно его тщательной рефлексии и селекции. Передача социального опыта от поколения к поколению происходит одновременно на трех уровнях: 1) бессознательное подражание старшим и усвоение элементов их культурного по-

ведения, предпочтений и т.п. (*уровень ментальности*); 2) целенаправленное, но слабо систематизированное воспитание подрастающего поколения (*уровень традиций*); 3) высоко систематизированное и специализированное обучение основным социокультурным знаниям, умениям и навыкам (*уровень культурных институтов и систем* организованного и предметно дифференцированного образования). Именно таким сложным способом всякое сообщество исторически воспроизводит себя как социальную целостность и специфический (самобытный) культурный организм. Именно таким образом формируется феномен культурной компетентности членов общества, важнейшей составляющей которой остается *гуманитарная эрудированность*⁷.

К сожалению научно-образовательная политика, в последние годы возобладавшая в России, ориентирована на сведение гуманитарной эрудированности подрастающего поколения практически к нулевой отметке. Эта усиливающаяся дегуманитаризация общего образования одна из самых опасных перспектив нашего социального развития. Она фактически равноценна «ползучему» возврату к традиционалистскому обществу (в нашем случае — к «неофеодализму», одним из вариантов которого был отечественный «социализм»). Более того, подобная дегуманитаризация представляет собой один из самых коротких и эффективных путей к утрате обществом как социальной целостности, так и культурной специфичности, т.е. фактической депопуляции российской нации как исторического феномена. В истории известны десятки подобных случаев. И результат был примерно одним и тем же: уход народа с арены мирового цивилизационного развития. Ну что же, не мы первые, мы же и не последние...

Вместо заключения: о подготовке «прикладных культурологов»

«Обсерватория культуры» в первом номере за 2004 год опубликовала заметку Л.П. Воронковой «Культурологическое образование: тезисы в порядке обсуждения», в которой поставлены весьма актуальные вопросы подготовки культурологов «прикладного профиля». К сожалению, рекомендации по поводу того, как это сделать, представляются совершенно умозрительными.

Четырнадцатилетний опыт руководства крупнейшим в России культурологическим учебным заведением – Высшей школой культурологии Московского государственного университета культуры и искусств, выпустившей (по подсчетам Министерства образования РФ) около двух третей всех дипломированных культурологов в стране, дает право высказать собственную точку зрения в этом вопросе.

Ситуация с трудоустройством культурологов на сегодняшний день характеризуется следующими показателями.

1. В последние годы наибольший спрос на культурологов проявляют, во-первых, центральные и местные органы государственного управления (культурологов охотно принимают на работу помощниками депутатов Государственной Думы и местных представительских собраний, а также референтами и секретарями при министрах, мэрах и иных высших должностных лицах центрального и местного управления) и, во-вторых, средства массовой

⁷ Флиер А.Я. Культурная компетентность личности: между образованием и национальной идеологией //

информации (где культурологи работают преимущественно редакторами отделов культуры).

2. Насколько мне известно, ни один культуролог сегодня не работает в Министерстве культуры и массовых коммуникаций РФ, а в местных органах управления культурой они встречаются крайне редко (преимущественно это культурологи-этнографы в республиканских управлениях культуры). Этот парадокс легко объяснить. Современная культурологическая наука, достаточно адекватно представленная в Государственном образовательном стандарте по специальности, рассматривает культуру как форму социальной жизни людей, подчиненную Господу Богу, Истории, национальной культурной традиции, но никак не Министерству культуры и его региональным отделениям.

Попытки выделить культурную политику в качестве специализации культурологии совершенно неадекватны самой культурологии как области знаний. Культурная политика – это область политологии, а не культурологии. И хотя культурология честно и праведно курируется Министерством культуры (за что ему следует выразить бесконечную благодарность), следует признать, что эта позиция Министерства имеет абсолютно благотворительную подоплеку, совершенно бескорыстную для самого Министерства.

3. Реально наибольший интерес к культурологии проявляет Министерство образования РФ (и оно же дает больше всего денег на развитие этой отрасли знания), поскольку культурология входит (пока еще) в перечень обязательных дисциплин общеобразовательного цикла, замещая в этой функции знаменитый «истмат».

4. Что касается культурологов чисто прикладного профиля (специалистов в области рекламы, туризма, шоу-бизнеса и т. п.) то, как показывает многолетний опыт, культурологи охотно принимаются на работу в эти сферы, но при этом проходят курсы специальной профильной подготовки непосредственно на рабочем месте. И этот путь представляется наиболее эффективным для получения узкой специализации. Не приходилось слышать ни об одном культурологе, получившем соответствующую специализацию в вузе по рекламе, туризму и т. п., который сделал бы себе карьеру в соответствующих областях деятельности. И это понятно, поскольку в вузе получают специализацию, столь же теоретическую, как и само культурологическое образование. А прикладной аспект деятельности осваивается преимущественно в процессе работы. Сегодняшний вуз не в состоянии обеспечить нужную квалификацию в актуальном объеме и форме.

5. Это не значит, что культурологическое образование не должно делиться на специализации. Но это должны быть сугубо *фундаментальные* специализации: философия и теория культуры, социология культуры, историческая культурология, теория и история художественной культуры, межкультурные коммуникации и культурный аспект межэтнических отношений.